

RU

Теория естественного спасения в романе Энтони Бёрджесса «Заводной апельсин»

Каравайская О. С., Пузикова А. В.

Аннотация. Цель исследования – выявление специфики и закономерности финала романа Энтони Бёрджесса «Заводной апельсин». В статье рассмотрена личность главного героя в начале романа как морально и духовно не выросшего человека. Были определены те общественные институты, которые имели влияние на главного героя, и выявлена взаимосвязь личности и общественных институтов, которые не имеют последнего слова в том, как складывается судьба Алекса. Для объяснения трансформации личности героя представлена идея естественного спасения. Научная новизна исследования состоит в том, что в нём впервые сформулирована теория естественного спасения как внутренняя эволюция человека. Данная теория открывает возможность новой интерпретации сюжета и авторского замысла романа «Заводной апельсин» через анализ нравственного становления героя, которое осуществляется независимо от внешних обстоятельств. В результате исследования установлено, что автор обличает общественные институты, а не отдельную личность, заканчивая книгу надеждой на естественное спасение. Обнаружено, что главный герой изменился не с помощью внешнего толчка, а исходя из некой внутренней потенции, которая являет себя как результат положительного становления героя, несмотря на пагубное воздействие на него институтов.

EN

The theory of natural salvation in Anthony Burgess's novel "A Clockwork Orange"

O. S. Karavayskaya, A. V. Puzikova

Abstract. The aim of this research is to identify the specifics and patterns of the ending of Anthony Burgess's novel "A Clockwork Orange". The article examines the protagonist's personality at the beginning of the novel as an individual who has not matured morally and spiritually. The social institutions that influenced the protagonist were identified, and the interrelationship between the individual and these social institutions was revealed, demonstrating that they do not have the final say in how Alex's fate unfolds. The idea of natural salvation is presented to explain the transformation of the protagonist's personality. The scientific originality of the research lies in the fact that it is the first one to formulate the theory of natural salvation as a person's inner evolution. This theory opens up the possibility for a new interpretation of the plot and the author's intention behind "A Clockwork Orange" through an analysis of the protagonist's moral development, which occurs independently of external circumstances. As a result of the study, it was established that the author condemns social institutions rather than the individual, concluding the book with a hope for natural salvation. It was found that the protagonist changed not due to an external impetus, but rather from an inherent internal potential, which manifests as a result of the protagonist's positive development, despite the detrimental influence of institutions upon him.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью осмысления концовки романа (в полном (британском) варианте содержащего 21 главу) Э. Бёрджесса «Заводной апельсин», который впервые рассматривается в контексте теории естественного спасения и тем самым репрезентирует новый способ представления главного героя. Подобный ракурс актуализирует не только гуманистический пафос данного текста, но и позволяет взглянуть на проблематику романа, которая выходит далеко за пределы литературоведения, поэтому цель исследования представляется принципиально значимой. Статья призвана показать через анализ текста, как автор пытается решить философскую дилемму: способен ли человек меняться сам по себе,

или его судьба определяется социальными институтами или инстинктами. Данный вопрос был и продолжает быть актуальным на протяжении истории человечества.

Для достижения вышеуказанной цели исследования необходимо решить следующие задачи:

1. Проанализировать духовный облик главного героя в начале романа.
2. Выявить воздействие различных общественных институтов на взрослеющего главного героя.
3. Предложить причину сформировавшегося характера героя романа.

В исследовании использован сравнительно-сопоставительный метод, позволяющий раскрыть разницу в мировосприятии и поведении Алекса в начале и в конце романа. Кроме того, данный метод помогает сравнить воздействие различных общественных институтов на взрослеющего главного героя. Также использован метод комплексного анализа литературного текста, позволивший охарактеризовать героя и его трансформацию.

Материалом для исследования послужил текст романа английского писателя Энтони Бёрджесса «Заводной апельсин», написанного в 1962 году, в переводе на русский язык В. Бошняка. Данный перевод был выбран, поскольку, во-первых, переводчик работал с полной, авторской версией романа, включая 21 главу, а именно в ней раскрывается главная идея романа – «теория естественного спасения», взросление Алекса и его добровольный отказ от насилия. Во-вторых, В. Бошняк создал такой аналог языка «надсат», который создаёт особый лингвистический портрет главного героя и подчёркивает его принадлежность к субкультуре.

Кроме того, использовались тексты Ветхого и Нового Завета.

Теоретическую базу исследования составляют обобщающие работы по жанру антиутопии (Расулова, Трохова, 2025; Темели, 2021; Якименкова, 2023), в которых идёт осмысление взаимодействия отдельной личности и социальных институтов или государства, а также работы, посвященные анализу образа главного героя романа «Заводной апельсин» (Дмитриева, 2021; Плахова, Щебардина, 2018; Хараман, 2023; Хуснулина, 2016; Шукина, Мирошниченко, 2024), в которых представлены сравнительные характеристики героя в начале и конце романа. Отдельно стоит упомянуть работы, посвященные раскрытию языковой личности Алекса (Кузнецова, 2020; Павлов, 2021), в которых посредством анализа речи героя раскрывается авторский замысел.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования результатов в практике преподавания зарубежной литературы в вузе для студентов-филологов и журналистов.

Обсуждение и результаты

Роман-антиутопия «Заводной апельсин» был написан Э. Бёрджессом в 1962 году, и с тех пор не утихают дискуссии, порождённые образом главного героя. Это связано со сложностью и некой изначальной непостижимостью тем и вопросов, которые поднимает автор, а именно: проблема границ вседозволенности и отсутствия морально-нравственных принципов, а также вопросы о возможности «излечения» от агрессии.

Перед читателем также встаёт философская дилемма: способен ли человек меняться сам по себе, или его судьба навсегда принадлежит инстинктам и структурам, что управляют им. В данном исследовании приводится попытка проинтерпретировать «нравственное взросление» героя.

Сюжет романа таков: подросток Алекс возглавляет банду «*другов*», которые ночью устраивают погромы и грабежи, творят бессмысленное и жестокое насилие, так называемое «*ультранасилие*». Оно и становится главным «смыслом и формой существования героя» (Хараман, 2023, с. 338). В «ультранасилии» герой видит своего рода искусство, красоту. Алекса предают друзья, и он попадает в тюрьму. Там герой соглашается на экспериментальное лечение – метод Людовика, который вызывает у него физическое отвращение к насилию, лишая свободы выбора.

После выхода на свободу Алекс становится беспомощной жертвой своих прошлых жертв и системы. Однако в финальной главе он взрослеет, естественным образом теряет тягу к насилию.

Роман написан от первого лица, что усложняет попытки интерпретации мотивировок поступков Алекса, поскольку опыт героя достаточно ограничен, а автор в некоторой степени «самоустраняется». Но такой стиль придаёт повествованию определенную достоверность тона (Плахова, Щебардина, 2018, с. 119).

Автор в романе представляет два типа личности: морально и духовно выросший человек и морально и духовно не выросший человек. Аморальность и бездуховность главного героя можно наблюдать на протяжении практически всего сюжета: он являет свою безнравственность, претерпевая столкновения с разными государственными институтами и их представителями. Алекс – представитель поколения “*nadsats*” (происходит от русского суффикса **-нацать**, который используется для образования числительных от 11 до 19, что отсылает к возрасту основной аудитории этого сленга – подросткам). На момент основного повествования герою всего пятнадцать лет.

Мораль героя не сформировалась – у него отсутствует понимание добра и зла, но в то же время он является субъектом за границей добра и зла. Желания Алекса рабские и обусловлены именно тем, как происходило его становление, что и наблюдается в сюжете. Об этом свидетельствует ряд символов и моментов. Ниже выделены некоторые из них, что позволило проследить, каким герой предстал в самом начале романа:

1. Незрелый логический аппарат или развитый лишь на низком уровне, который характерен для детей и подростков. Он, например, не может понять, почему ему становится плохо от просматриваемых фильмов, где изображается насилие, но знает, что перед этим ему вкололи лекарственный препарат: «*Но я всё же не понимаю, – проговорил я. – Не понимаю, почему мне так плохо от этого. Раньше мне никогда от этого плохо не делалось. Раньше было как раз наоборот. Я в смысле, что когда я делал это или смотрел на это, я чувствовал себя как раз хорошо*» (Бёрджесс, 1991).

2. Беспричинная жестокость. По своей природе Алекс не злобный, он совершает преступления не по какой-то причине, а лишь из наслаждения жестокостью со свойственной детям хаотичностью: *«Мы немножко покрутились по задворкам, на переходах распугивая starikashke и babushek, зигзагами гоняясь за кошками и так далее. Потом мы свернули к западу. Движения на дороге было немного, и я знай себе давил педаль до упора, так что “дюранго” заглазывал дорогу, как спагетти»* (Бёрджесс, 1991).

3. Доверие к друзьям даже после того, как его постарались насильственно сместить с роли лидера. Те же друзья позже его предали. Это не только характеризует товарищей Алекса, но и представляет его самого как человека, который не разбирается в людях.

Также его доверие распространялось на другие ситуации: в случае, когда Алексу делали инъекции с неведомой ему сывороткой, доктора пытались войти в доверие к герою, вели себя неискренно (Дмитриева, 2021, с. 385); и в ситуации, когда впавший в безумие персонаж романа, который по сюжету являлся автором «Заводного апельсина», хотел отомстить Алексу за смерть своей жены.

4. Отсутствие скрытности. После совершения очередного преступления Алекс не боится того, что его застанут на месте, и остается спать в своей комнате: *«Не успели они спуститься по лестнице, как я уже крепко спал, прямо под звуки сталкивающихся и переплетающихся призывов к Радости, Радости, Радости»* (Бёрджесс, 1991).

5. Искусственный язык “nadsat”, который используют молодые герои, берёт своё название от русского суффикса числительных «надцать» (Кузнецова, 2020, с. 293). Такой «анти-язык» – “contraslang” (Fowler, 1971) групповую идентичность. Бёрджесс использует данный язык для того, чтобы подчеркнуть социально-возрастную группу его пользователей. То есть указывает на незрелость и Алекса, и его друзей (Павлов, 2021, с. 72): *«Она вышла, оставила меня в odinotshestve, и, оглядевшись, я увидел, что лежу в небольшой комнатке на одного, не то что когда-то в детстве, когда я, попав в больницу, валялся в огромной палате, где было полно народу – кашляющих полуживых стариков, от одного вида которых хотелось как можно скорей оттуда вырваться»* (Бёрджесс, 1991).

Слово одиночество выделяется в тексте «искусственным языком», языком поколения, к которому относится сам главный герой.

Автор говорит о фигуре Алекса как о ребенке в том контексте, что он еще духовно не сформировался – он морально и духовно не выросший, вследствие чего мы связываем описание главного героя именно с этим его состоянием, а не с его биологическим возрастом.

Также это подтверждается тем, как к герою обращаются его товарищи: «Коротышка Алекс»; Алекс – самый младший в группе своих друзей, что неоднократно подчеркивается, например, о себе главный герой говорит: *«Ну, натворил делов. А ведь мне еще только пятнадцать»* (Бёрджесс, 1991). *«Но я предупреждаю тебя, Алекс, малыш, как добрый друг тебя предупреждаю, как единственный в этом подлом и гнилом районе человек, который хочет спасти тебя от тебя самого»* (Бёрджесс, 1991).

Стоит отметить и наличие фигур матери и отца, а также выраженный подростковый кризис, в котором пребывает главный герой.

Ещё одним символом незрелости в романе предстаёт молоко – символ младенческого возраста. Молоком матери питается ребенок в самом раннем возрасте.

В Ветхом Завете молоко служит не только символом физического пропитания, но и глубоким духовным образом. Козье и овечье молоко упоминается как основа жизни, питающая и людей, и скот, однако его значение простирается гораздо дальше. В книге пророка Исаии, например, Бог призывает людей искать Его с той же жадной, с какой телёнок тянется к материнскому молоку. Этот образ передаёт идею духовного возрастания, где молоко становится символом Божьей заботы, ведущей верующих к зрелости.

В Новом Завете Иисус продолжает эту символическую традицию. В Евангелии от Иоанна Он называет Себя «хлебом жизни», а Своё учение сравнивает с чистым молоком, питающим души учеников. Здесь молоко олицетворяет Божественную мудрость, дарующую силу и понимание тем, кто внимлет словам Христа.

Так, от страниц Ветхого Завета до проповедей Нового молоко остаётся важнейшим символом в библейской традиции – знаком не только земного насыщения, но и духовного роста, Божьей милости и непреходящей истины (Библия).

Проанализированные нами аспекты – отражение духовного и морального уровня героя внутри общества и системы, в которой ему прививалась мораль и установки: Алекс изначально занимает позицию морально и духовно не выросшего человека.

В сюжете «Заводного апельсина» были отмечены общественные институты, которые представляли общество и, исполняя свои роли, старались воспитать Алекса, сделать из него полноценную личность и/или личность, угодную обществу.

Друзья: *«Ну, что же теперь, а? Компания такая: я, то есть Алекс, и три моих друга, то есть Пит, Джорджик и Тем, причем Тем был и в самом деле парень темный, в смысле gluruī, а сидели мы в молочном баре “Корова”, шевеля тозгоі насчет того, куда бы убить вечер – подлый такой, холодный и сумрачный зимний вечер, хотя и сухой»* (Бёрджесс, 1991).

Семья: *«Мне было слышно, как возится, ворчит и шаркает в прихожей папа, уходя работать на свой химзавод, а потом подала голос мама»* (Бёрджесс, 1991).

Школа (интернат): *«А я вот из вежливости предупреждаю тебя, Алекс, чтобы ты поостерегся, потому что следующий раз тебе уже не исправительная школа светит»* (Бёрджесс, 1991).

Тюрьма: «И вот я сижу, два года уже сижу с тех пор, как меня пинками, под лязганье запоров впахнули в гос-тюрьму 84-ф, одетого по последней арестантской моде...» (Бёрджесс, 1991).

Государство: «Присутствовал тот самый важный и шикарно одетый век, который оказался министром то ли внутренних, то ли нутряных дел» (Бёрджесс, 1991); кроме прямого указания на государство в романе присутствует момент лечения Алекса, где врачи являют себя отражением государственной политики: «Там же были и доктор Бродский с доктором Браномом, правда, уже не в белых халатах; теперь они были одеты так, как и положено одеваться *intellam*, достаточно преуспевающим, чтобы следить за модой» (Бёрджесс, 1991). Отношения государства и героя у Бёрджесса отличаются от традиционно представляемых в антиутопиях (Темели, 2021, с. 56).

Правоохранительные органы: «Это был П. Р. Дельтоид (из мусоров, и притом *durenn*), он был назначен моим «наставником по перевоспитанию» – заезженный такой *kashka*, у которого таких, как я, было несколько сот» (Бёрджесс, 1991).

Общество: «Д. Б. Да-Сильва и говорит: – Главное – митинги. Первым делом покажем его народу на митинге» (Бёрджесс, 1991), – неидеальное общество пытается спасти Алекса.

Церковь: «Дело было в боковой часовне воскресным утром; тюремный свищ наставлял нас в Законе Божием» (Бёрджесс, 1991).

Роль этих институтов в классическом понимании заключается в воспитании и становлении человека, полезного для общества, его законов, морали и порядка его жизнедеятельности. Оно формируется из людей, которые продолжают совершать это действо и формировать следующих людей, уже будучи частью общества. Этот процесс называется социализацией Алекса, которая совершается на протяжении всего романа.

Однако здоровая социализация и здоровое общество по Бёрджессу есть противоположность тому, что показывает нам автор в «Заводном апельсине», что видно из вышеприведённых цитат, в первую очередь потому, что они ведут к негативным последствиям для личности Алекса. Он становится управляемым механизмом, не способным сделать моральный выбор (Якименкова, 2023, с. 124), после окончания экспериментов с «методом Людовика» герой превращается в «заводной апельсин», который не может даже защитить себя (Шукина, Мирошниченко, 2024, с. 156). «Государство отняло у него вещи, которые когда-то были в его комнате, лишило способности постоять за себя, привило отвращение к любимой музыке» (Плахова, Щебардина, 2018, с. 120).

Так, исходя из обратного, то есть из представленных негативных характеристик общественных институтов, можно предположить, что Бёрджесс постулирует в качестве характеристик здорового общества стремление к сохранению, способность созерцать прекрасное и искать прекрасное, способность к любви и рациональному мышлению, тягу к порядку, отказ от приоритета материальных ценностей, ненасилие. Именно устремленным к этому оказывается Алекс в конце сюжета.

Мы рассмотрели, как выглядит главный герой в начале и в конце истории, выделив несколько качеств духовно выросшей личности: стремление к самосохранению, созерцание прекрасного, способность к любви, способность к рациональному мышлению, тяга к порядку, отказ от приоритета материальных ценностей, ненасилие.

Так, в начале сюжета мы видим то, что Алекс участвует в драках с разными людьми; тратит деньги, покупая старым женщинам алкоголь; рвет книги; трактует искусство как призыв к насилию. Для подростка нет ценностей, нет цели и веры во что-либо, его мир пуст и прост, а также ведет его к постепенному разрушению.

В завершающей главе Алекс предстает перед нами как *духовно взрослая личность*, которая обретает вечные ценности и стремится к самосохранению: он бережно прячет фотографию младенца, мечтая о создании семьи; представляет, как будет передавать верную мораль своему сыну, вводя понятия о «можно» и «нельзя»; также он отказывается оплатить пиво старым незнакомым женщинам, утрачивая интерес к саморазрушительным привычкам. Также Алекс становится старшим по отношению к группе своих новых «друзей», от которых быстро отказывается, что тоже является маркером его более взрослого возраста, а значит, так как возраст трактуется нами в переносном смысле, он вырастает духовно.

Алекс завершает свое становление положительно, отказывается от того, кем он являлся на протяжении всей своей прошлой жизни. Однако нами была выявлена взаимосвязь личности и общественных институтов в романе, которые, вопреки своей функции, не имеют последнего слова в том, как складывается судьба главного героя. Государство, семья и многие другие части общества используют по отношению к Алексу насильственные методы, которые не подкреплены никакой идеологией. Мы проанализировали позиции, которые занимают институты по отношению к Алексу:

Семья: «Это надо как следует обдумать, сын. Мы не можем просто так взять и выкинуть Джо на улицу, верно ведь? ... Он явно стыдился собственных слов, это бросалось в глаза» (Бёрджесс, 1991). Родители не имеют авторитета перед сыном, не поддерживают его, не передали ему никаких моральных устоев и традиций, насильственно выгоняют его из дома через своего нового жильца.

Друзья: «В общем, меня аж передернуло... Меня от его вульгарности прямо в дрожь бросило, кровь кинулась в голову...» (Бёрджесс, 1991).

Государство (при применении метода Людовика на Алексе): «Должно быть, это была какая-то шутка, потому что следом из темноты донесся вроде как смех. После чего меня заставили смотреть отвратительнейшую ленту о японских пытках» (Бёрджесс, 1991). Эксперимент направлен не на наказание преступника, а на подавление его воли, на трансформацию души (Хуснулина, 2016, с. 16).

Церковь: «–Да-а, – протянул тюремный свищ вроде как со вздохом, – ничего не скажешь, работает. Господи, спаси нас всех и помилуй» (Бёрджесс, 1991), – священник, попытавшись спасти Алекса от «государственной машины», вскоре проявляет пассивность и бросает его на произвол судьбы.

Правоохранительные органы: «И они напоследок каждый по разу врезали мне *toltsbok* в *litso*, я повалился и остался лежать на прошлогодней траве. Холод стоял *zhutki*, но я его не чувствовал. Потом они вытерли руки, снова надели кителя и шлемы и сели в машину» (Бёрджесс, 1991). В полиции служит бывший друг Алекса, Тем, который не меняет своего поведения и остаётся таким же жестоким, каким был в банде.

Общество: «Что ж, прекрасно, прекрасно. Этот мальчик может оказаться орудием весьма действенным. Впрочем, не повредило бы, если б он выглядел похуже и поглупее – этаким, знаете ли, зомби. Делу пошло бы на пользу. Надо будет что-нибудь в этом направлении предпринять, и непременно!» (Бёрджесс, 1991). Общество пытается спасти Алекса от государственных вмешательств, которые сделали из него беззащитного человека, но на самом деле их не заботит его состояние: они думают только о своей выгоде и возможном завоевании последователей в своем деле.

Однако Алекс в конце романа становится полноценной личностью и отвергает все, что сопутствовало ему в его нравственном и духовном детстве.

Для объяснения нравственной трансформации героя нами была **сформулирована теория естественного спасения**, то есть преобладание некой судьбы отдельной личности и внутренней потенции, которые способны привести личность к положительному итогу её жизни несмотря на внешние факторы, такие как институты или ситуации.

Именно естественное спасение, а не метод Людовика или любое другое принудительное «перепрограммирование личности», помогает герою самостоятельно, несмотря на влияние общественных институтов, прийти к внутренней трансформации.

Ещё одним доказательством естественного спасения Алекса является явная усталость от самого себя в первой части романа: ноты пресыщения и скуки, которые демонстрирует горой ещё до тюрьмы и «перевоспитания», намекают на то, что дальнейшее стремление измениться – это свободный выбор самого героя. Важно, что это стремление не навязано извне, а возникает внутри личности. И наш герой отмечает эти внутренние трансформации: «Что-то во мне происходило, и я силился понять, болезнь ли это какая-нибудь или последствия того, что сделали с моей головой, пытаюсь напроць свести с ума и повредить мне *rassudok*», – а позже, поняв себя, добавляет: «Алекс стал большой, ..., вырос наш Алекс» (Бёрджесс, 1991). И опять же, речь идёт о духовном росте.

Финал романа демонстрирует возможность внутренней трансформации и человеческого роста, раскрывая идею о том, что насилие не является неустранимой частью личности. Автор демонстрирует «бесплодность попыток подавить человеческую природу искусственными методами, подчеркивая опасность как абсолютной свободы без моральных ограничений, так и тоталитарного контроля над личностью» (Расулова, Трохова, 2025, с. 53).

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. Выявлено, что автор обличает общественные институты, а не отдельную личность, заканчивая книгу надеждой на естественное спасение.

В соответствии с задачами было отмечено, что главный герой в начале романа представляет собой, по сути, ребёнка, что выражается как в его речи, так и в отсылках автора к различным символам (молоко). Отмечено, что Алекс представляет собой изначально морально и духовно не выросшего человека.

Влияние различных общественных институтов на взрослеющего главного героя чётко прослеживается в диалогах и размышлениях Алекса. Проанализировав позиции, которые занимают институты по отношению к Алексу, можно отметить, что автор приводит пример пагубного влияния на героя. Так, государство, перевоспитывая и наказывая героя, применяет ещё более страшное насилие над волей человека; семья, которая должна поддерживать ребёнка в любой ситуации, берёт в дом чужого человека, а в правоохранительные органы берут работать таких же преступников, как и Алекс. Следовательно, внутреннюю эволюцию героя невозможно совершить через внешний тотальный контроль и аморальный наглядный пример.

Энтони Бёрджесс в своём романе «Заводной апельсин» последовательно опровергает возможность искоренения зла насилием, критикует проекты, направленные на принудительное и аморальное перевоспитание, показывая, что в таких проектах больше насилия, чем в поступках героя. Спасение по Бёрджессу может быть только естественным, а не техническим, медикаментозным или политическим, оно является неким экзистенциальным актом, включающим и взросление, и свободу выбора, и личную ответственность. Естественное спасение – это гуманистическая альтернатива различным методам Людовика. Трансформация героя, представленная в последней главе, придаёт роману оптимистическое, гуманистическое звучание, даёт читателю надежду на спасение и веру в благой исход. И спасение здесь – это не только взросление, это не мгновенное преобразование, а постепенный, органичный процесс превращения Алекса в зрелую личность.

В качестве перспектив дальнейшего исследования заявленной проблематики можно назвать анализ множества других художественных деталей, использованных Э. Бёрджессом, и влияние их на возникновение различных трактовок окончания романа.

Материалы исследования | Research materials

1. Бёрджесс Э. Заводной апельсин / пер. с англ. В. Бошняка. 1991. https://lib.ru/INPROZ/BERDZHES/apelsin.txt_with-big-pictures.html
2. Библия. <https://azbyka.ru/biblia/>

Источники | References

1. Дмитриева Д. А. Вседозволенность личности как источник зла на примере романа Энтони Берджесс «Заводной апельсин» // Вестник молодежной науки Алтайского государственного аграрного университета. 2021. № 1.
2. Кузнецова Е. В. Функционирование молодежного сленга в оригинале романа Энтони Бёрджесса «Заводной апельсин» и его переводах на русский язык // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. № 7. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.7.58>
3. Павлов Д. В. Регистр речи как часть коммуникативного портрета литературного героя (на основе романов Энтони Бёрджесса) // Polish Journal of Science. 2021. № 42 (42).
4. Плахова О. А., Шебардина Т. Н. Способы реализации содержательно-эстетического потенциала художественной детали в тексте романа Энтони Берджесса «Заводной апельсин» // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 3 (24).
5. Расулова Ф. Ф., Трохова С. С. Роман Э. Берджесса «Заводной апельсин»: черты антиутопии и изображение поколения nadsat // Парадигма. 2025. № 6-2.
6. Темели З. Р. «Заводной апельсин» в отечественной и зарубежной критике // NovaUm.Ru. 2021. № 33.
7. Хараман А. В. Кризис духовно-нравственных идеалов «трудных» подростков и проблема их принудительного перевоспитания в романе Э. Берджесса «Заводной апельсин» // Духовно-нравственное развитие современной молодежи как фактор самосовершенствования на основе самопознания / отв. ред. Н. А. Лобачева. Симферополь: Издательство Типография «Ариал», 2023.
8. Хуснулина Р. Р. «Новый Раскольников» в романе Энтони Бёрджесса «Заводной апельсин» // Казанская наука. 2016. № 2.
9. Щукина А. В., Мирошниченко Н. А. Амбивалентность трикстера в зарубежной антиутопии: «Заводной апельсин» Стенли Кубрика // Актуальные вопросы филологии и лингводидактики: современные тенденции и перспективы развития: материалы Ежегодной Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 20 марта 2024 г. СПб.: Российский государственный гидрометеорологический университет, 2024.
10. Якименкова И. Н. Трансформации жанра антиутопии в романе Энтони Бёрджесса «Заводной апельсин» // Научные труды Калужского государственного университета имени К. Э. Циолковского: сборник. Калуга: ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского», 2023.
11. Fowler R. The languages of literature. Some linguistic contributions to criticism. L.: Routledge & Kegan Paul, 1971.

Информация об авторах | Author information

Каравайская Ольга Сергеевна¹, к. филол. н.

Пузикова Анастасия Владимировна²

^{1, 2} Омский государственный университет путей сообщения

Olga Sergeevna Karavayskaya¹, PhD

Anastasia Vladimirovna Puzikova²

^{1, 2} Omsk State Transport University

¹ tos5509@mail.ru, ² puzikova.t@list.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 20.10.2025; опубликовано online (published online): 05.12.2025.

Ключевые слова (keywords): общественные институты; роман «Заводной апельсин»; теория естественного спасения; Энтони Бёрджесс; трансформация личности героя; social institutions; novel “A Clockwork Orange”; theory of natural salvation; Anthony Burgess; transformation of the protagonist’s personality.